

Глава 6. Тщеславный муж-супруга властного президента

Лишь редкий шелест страниц, переворачиваемых юношей, нарушал неподвижность этой сцены. Солнечный свет падал именно так, как нужно, превращая случайный кадр в безупречное полотно.

Стук секретаря в дверь заставил Мин Яо прийти в себя. Ощувив мимолетное замешательство от собственного поступка, он поспешно закрыл окно мониторинга и с головой погрузился в работу.

Лин Чжи и не подозревал, что за ним наблюдали. Отложив книгу через полчаса, он собрался в путь — пришло время поделиться радостью со Старейшиной. Раз уж первая ступенька успешно пройдена, пора было заносить ногу над следующей.

Старейшина Мин, внимательно следивший за успехами «внука-супруга», уже был в курсе событий. Увидев гостя, он не поскупился на похвалу, назвав подход Лин Чжи «весьма оригинальным».

— А теперь расскажи-ка подробнее, как тебе пришла в голову такая затея?

Этот маневр нельзя было назвать верхом гениальности, но его сила заключалась в одном слове — «изящество». Если бы продюсеры шоу заранее знали, какой трафик они обеспечат стороннему бренду, они бы ни за что не пустили этот фрагмент в эфир без солидной компенсации.

Лин Чжи с улыбкой поведал старику о своем плане. Эту схему он продумал еще до того, как подписал контракт с заводом. Ключевой фигурой в его игре стала Чжун Тянь — дочь Чжун Го, девушка, грезившая о сцене. Её отец, обычный страховой агент, и мать, владелица крошечного магазина, не могли позволить себе оплачивать дорогостоящее обучение дочери.

Чжун Тянь видела, как её подруг по танцевальной студии кабальные контракты агентств превращали в рабов, и боялась связываться с крупными компаниями. При этом её вокальные и танцевальные данные были не то чтобы выдающимися — она просто хотела попытать счастья на кастинге. Лин Чжи давно присмотрел это шоу и, конечно же, заметил эту девушку.

Он подошел к семье Чжун с легендой о том, что юная особа до боли напоминает ему покойную младшую сестру соседа. Этого «шанса» и щедрого аванса хватило, чтобы они подписали жесткий договор о неразглашении. Разумеется, в рассказе дедушке Лин Чжи опустил эти подробности, поведав лишь о результате.

Модернизация цехов, расширение ассортимента, контроль качества, четкий менеджмент и договоренности с оптовиками — всё было готово еще до начала съемок. Пока завод затаился, продюсеры шоу, ничего не подозревая, с радостью выпустили в эфир забавный эпизод.

Юноша не стал заваливать сеть агрессивной рекламой. Он точно выбрал качественных блогеров, избегая навязчивого маркетинга и спекуляций на жалости. В конечном итоге процесс перестал нуждаться в его подпитке — когда тема становится «горячей», толпа сама бросается её обсуждать, лишь бы подтвердить свою причастность к тренду.

— Терпеливо, смело и очень рискованно, — вынес вердикт Старейшина. — Играть в такие игры в первый же раз... Поистине, молодежь нынче стоит уважать. Я стар, мне остается лишь с берега наблюдать, как вы барахтаетесь в этой пучине. Мир всегда принадлежал и будет принадлежать молодым.

— Это была лишь дерзкая попытка, — отшутился Лин Чжи. — Если бы я прогорел, то просто сложил бы вещи и покорно ждал, когда Мин Яо возьмет меня на содержание.

У него в запасе было немало надежных стратегий, но ему требовался именно такой эффект — триумф, позволяющий окружающим по малому судить о великом. Он решился на этот шаг, потому что был уверен в успехе. В каких-то иных сферах он мог сомневаться, но в джунглях бизнеса он когда-то сам диктовал законы.

— Было бы прискорбно, если бы ты просто осел дома. Какие у тебя планы на будущее? — спросил Старейшина, уже выстраивая в уме собственную шахматную партию.

В молодости он и сам был фигурой легендарной. Хотя при Мин Яо бизнес семьи вышел на новый уровень, основные направления закладывал именно дед. Несмотря на возраст, его чутье на людей никуда не делось. Он видел в Лин Чжи «драгоценный материал», который стоило гранить. А раз уж этот талантливый юноша к тому же оказался «внуком-супругом», способным усмирить злой рок Мин Яо, Старейшина не видел причин не привлечь его к делам семьи.

— Пока хочу закрепить достигнутое, о большем еще не думал. Хотя... есть желание попробовать себя в других отраслях.

Лин Чжи прекрасно понял намек, ведь именно этого он и добивался. Но в таких делах нельзя говорить слишком прямо — это выглядит пошло. Собеседник не был дураком, поэтому достаточно было легкого взаимопонимания без лишних слов.

— Рвение — это хорошо. Оставайся-ка сегодня на ужин. Велел кухне нарезать свежую ягнятину, устроим хого.

— Дедушка, это вы просто проголодались? Смотрите, много вам нельзя, я буду считать каждый кусочек.

Старик что-то ворчливо забубнил, а Дядя Цзинь, стоявший рядом, лишь довольно посмеивался. Прослужив Старейшине десятки лет, он понимал: хозяин вовсе не был так уж голоден, он просто наслаждался тем, что младшее поколение опекает его и заботится о его здоровье. Дядя Цзинь даже втихую сфотографировал довольного деда и отправил снимок Мин Яо.

Узнав, что Лин Чжи остается на ужин, Мин Яо на мгновение порывался велеть помощнику изменить график, но тут же одернул себя. Это выглядело бы так, будто он сам переходит черту. Мужчина потер переносицу, и взгляд его стал непроницаемым.

После того случая Лин Чжи заметил перемену в отношении Старейшины. Теперь тот заговаривал с ним не только о цветах, птицах и домашних делах, но и о бизнесе. О рынках прошлых лет, о нынешних тенденциях и о прогнозах на будущее. Чаще всего дед задавал вопросы, желая услышать мнение Лин Чжи.

Юноша понимал, что это своего рода экзамен. Чтобы не выходить из образа, он иногда намеренно припрятывал толику своего ума, выказывая излишнюю наивность или идеализм, и заходил в тупиковые рассуждения, позволяя Старейшине наставлять его. Ему вовсе не хотелось, чтобы дед счел его слишком уж искусственным и расчетливым.

Помимо визитов к деду, Лин Чжи не забывал и о светской жизни, выкраивая время для управления заводом. Кто-то из конкурентов, видимо, не выдержал стремительного взлета «Маленькой облачной горы», и в сети поползли слухи, разоблачения и откровенно негативные отзывы.

Однако у бренда уже была лояльная аудитория, и ситуация оставалась стабильной. К тому же у Лин Чжи был 01. Для искусственного интеллекта создание виртуальных аккаунтов и управление комментариями было детской забавой — именно благодаря Системе Лин Чжи так мало тратился на маркетинг.

[01: Не волнуйся, Хост! Со мной никаких осечек не будет!]

Разоблачения о том, что у завода сменился владелец, Лин Чжи пресекать не стал — это была правда, не искажающая фактов. Тем более что во всех вбросах владельцем значился Чжун Го, отец той самой Чжун Тянь. Это входило в его расчеты.

Чжун Го выпустил видеообращение и длинный пост, в которых рассказал свою историю: как этот старый бренд был важен для него и как он решил рискнуть всем, чтобы выкупить завод. Поднялась волна предположений, и продюсеры реалити-шоу не упустили возможности хайпануть на теме. Раз уж «Маленькая облачная гора» использовала их шоу для продвижения, они решили ответить тем же и устроили Чжун Тянь специальный опрос.

Поскольку шоу проходило в закрытом режиме и у участниц не было телефонов, Чжун Тянь понятия не имела, что семейный бизнес процветает. Она всё еще искренне верила, что дела плохи, и ей нужно во что бы то ни стало дебютировать, чтобы кормить семью. Её реакция на вопрос была абсолютно естественной.

— Откуда вы узнали про «Маленькую облачную гору»? Я и не собиралась об этом

рассказывать, ха-ха... Надеюсь, это не сочтут за рекламу?

— Я и не говорила, что это всегда был наш завод. Нет-нет, вы ошиблись. Папа выкупил его совсем недавно. В детстве я обожала это мороженое. Когда в семье были трудные времена, это было единственное, что я просила на день рождения. Папа тогда очень винил себя...

— А когда я выросла, его стало трудно найти, и папа ездил за ним прямо на склад, чтобы закупаться оптом для дома. Когда мы узнали, что завод закрывают, нам стало ужасно жаль. Папа как раз хотел заняться своим делом и решил его выкупить. Он даже пообещал сделать для меня особенное «Принцесса-мороженое» с моим чиби-образом на упаковке.

В словах Чжун Тянь правда мешалась с вымыслом. Она втайне восхищалась прозорливостью босса: первая часть истории была чистой истиной, последние же фразы — заготовленной ложью.

Продюсеры были слегка разочарованы: если бы девушка солгала, заявив, что завод принадлежал им поколениями, это дало бы больше почвы для драмы. Но и такой вариант их устроил. После выхода эпизода в сети началась новая волна позитива.

«Так вот почему это "Принцесса-мороженое" с ликом Тянь-тянь! Нежный персиковый вкус! Папа сказал — папа сделал!»

«То, что завод едва не закрылся — факт, смена владельца — тоже. Но классический вкус остался прежним, и качество того стоит. Пусть эти капиталисты подавятся, хватит выживать с рынка бюджетное мороженое!»

«После эфира сразу заказала коробку "Принцессы"! Доченька, удачи в финале! Мерча пока нет, так хоть мороженым поддержи — и вкусно, и деньги на пользу семье пойдут!»

Старейшина Мин, выслушивая доклады своих людей, остался крайне доволен находчивостью и предусмотрительностью Лин Чжи. Он завел с Мин Яо разговор о том, чтобы перевести юношу на работу в корпорацию.

— Я не навязываю тебе свое решение, в конце концов, сейчас ты здесь глава, и я не вправе лезть в кадровые вопросы. Но наш Чжи-Чжи — прирожденный делец. К тому же он твой супруг, это совсем другой уровень доверия. Его стоит обучать.

Мин Яо, слушая деда, задумчиво постукивал пальцами по столу. Помолчав, он ответил:

— Я посмотрю.

У него не было намерений использовать способности Лин Чжи в своих целях, но недавние события заставили его изменить точку зрения. Он хотел лично убедиться, на что тот способен,

и прежде всего — узнать, что об этом думает сам Лин Чжи.

Рабочий день закончился поздно. Вернувшись домой в десятом часу вечера, Мин Яо на мгновение помедлил, а затем нажал в лифте цифру «4». С тех пор как Лин Чжи переехал, хозяин дома ни разу не поднимался на четвертый этаж.

Обстановка была прежней. Мин Яо коротко постучал в дверь спальни. Когда та открылась, перед ним предстал юноша в просторной белой рубашке. Его лицо горело влажным, туманным румянцем, а поза была исполнена томной неги. Это была расслабленность человека, только что получившего глубокое удовлетворение. От него исходил тонкий, едва уловимый сладкий аромат.

Отсутствие личного опыта у Мин Яо вовсе не означало отсутствия здравого смысла. Линия его челюсти напряглась, а голос прозвучал резко и холодно:

— Насколько я помню, мы договаривались, что ты не будешь приводить сюда посторонних.

Лин Чжи чуть отступил, склонив голову набок.

— Ты про это?

Мин Яо проследил за его взглядом и увидел на кровати небольшое устройство обтекаемой формы.

— Хорошо, что ты постучал именно сейчас. Появиться с этим перед гостем было бы крайне невежливо.

Мужчина невольно представил нарисованную Лин Чжи картину, но тут же отогнал наваждение. Он ощутил, как участился его пульс, а тело сковало напряжение. Возможно, подумал он, вечер — не самое подходящее время для серьезных разговоров.

— Раз уж ты сам пришел, значит, дело важное. Заходи, договорим внутри.

Лин Чжи прошел вглубь комнаты и сделал глоток воды из стакана, восстанавливая силы. Благодаря 01 он знал, кто стоит за дверью, иначе ни за что не предстал бы в таком виде — по крайней мере, не ограничился бы одной лишь рубашкой после того, как закончил свои дела.

Не услышав движения у порога, юноша обернулся. Стерев капли воды с губ, он вопросительно вскинул бровь:

— Не войдешь?

Сердце Мин Яо словно запуталось в невидимой паутине. Тело, подчиняясь какому-то инстинкту, сработало быстрее сознания — он нажал на кнопку движения кресла вперед. Дверь, подхваченная легким сквозняком, закрылась, превращая комнату в уединенный кокон, пропитанный опасной двусмысленностью.

<http://bllate.org/book/15821/1422866>